

Зиновий САГАЛОВ

ТАНГО-33

*Посмертные записки майора Т.
в двух тетрадях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Лесь Курбас
Соломон Михоэлс
Агния
Валентина
Майор Т.
Трое в черном

ПРОЛОГ

Из темноты в луч света вошел Майор. Он в белом одеянии Пролога.

Майор.

Я умер двадцать третьего июля...
Не правда ли, веселое начало?
В семнадцать сорок,
У себя на даче,
Отгородясь от мира
Кольцом берез поникших
И тоскливым воем
Единственной любимицы моей...
Воеет, рыдая, собака.
Фу, Аза! Фу, стерва черная!
Уймись! Не раздирай мне душу!
Еще не время, слышишь!
Все пойдет по плану:
Таблеток горсть,
Стакан воды «нарзан»,
Дымок «Герцеговины флор» —
Последний, самый сладкий...
Финал, достойный сцены МХАТ:
Все подлинно, все натурально,
Два акта, две тетради, два часа.
Не мемуары маразматика,
А сцены,

Написанные ночью,
Когда глаза в глаза,
Не торопясь, Я разминал чужие души —
И добавлял к казенным протоколам
Причуды и фантазии свои.
Сам автор, сам актер, сам режиссер —
В одном лице —
Как сэр Вильям Шекспир
В своем театре «Глобус».
Но только выше чуточку, чем он,
По званию —
Майор!

Смеется, сбрасывает белую мантию и остается в форменном мундире НКВД. Резкий музыкальный аккорд. Из темноты возникают Трое в черном. Лица наглые, с ухмылкой. Смотрят прямо в зал.

Мой театр,
Театр майора Т.
Фамилия? Зачем?
Историк знает,
А вам — без разницы.

Первый в черном. Туманов... Тимченко... Титов... Трофимов...

Эту реплику и многие последующие Первый произносит нараспев — то ли привычка такая, то ли душа поет.

Второй. Заткнись, козел!
Третий. А если просто: Театр на Лубянке! А?
Второй. Ничё! Звучит!
Первый. Как, шеф?
Майор. По мне, так в самый раз.
Добавим только: под руководством
Майора Т. Нет возражений?

Гонг.

Все. Начинаем.
Первая тетрадь...

ТЕТРАДЬ ПЕРВАЯ

1.

Лубянка. Кабинет. Черная лампа на столе, телефон. Майор вышагивает. Сбоку Трое в черном. Режутся в карты.

Майор. Где Агния?

Все смотрят на Третьего. Он вынимает платочек и оглушительно сморкается. Потом делает стойку и нюхает воздух.

Третий. Духи...

Второй. Я тоже чую..

Третий. «Красная Москва».

Первый (*закрыв глаза*). Я уже вижу: бежит девчоночка, бежит!

Первый. Ай!

Майор. Что?

Первый. Чуть под машину не попала!

Майор. Вот дура!

Первый. Все обошлось, майор.

Третий. Площадь Дзержинского пересекла.

Второй. Внизу уже, в подъезде номер девять.

Третий. Раскрыла пропуск.

Второй. Беретку поправляет в лифте.

Первый. Гу-у-убоньки мажет!

Второй. Бежит по коридору!

Третий. Сейчас войдет!

Майор. Ребята, танго!

Джаз-гол: танго. Появляется Агния. Ошеломительно красива. Из-под берета локон каштановых волос. Очаровательные глаза. Майор подходит к ней. Выжидает. Она кладет ему руки на плечи. Танго.

Я ждал тебя

Четыре дня.

Агния. Поверишь, вырваться, вырваться, вырваться

Я не могла!

Трое в черном.

Хо-хо-ха-ха!

Хо-хо-ха-ха!

То не бал, не маскарад —

Танцуем танго.

Шаг вперед, два назад —

Танго орангутанга!

Майор.

Крупье—судьба,

Курок у лба.

И ставки сделаны, сделаны, сделаны

Уже вчера!

Трое в черном.

Хо-хо-ха-ха!

Хо-хо-ха-ха?

То не бал, не маскарад —

Танцуем танго.

Шаг вперед, два назад —

Танго орангутанга!

Танец. Музыка смолкает. Майор усаживает Агнию в черное кожаное кресло. Агния садится. Короткая юбочка оголяет колени. Закуривает.

Майор (*Людам в черном*).

Ремарка на полях:

«Вся боевая тройка в кулисах исчезает».

Кыш! Кыш!

*Второй и Третий, юродствуя, кудахчут. Первый поет петухом. Торопливо убегают.
Майор садится за стол, листает бумаги.*

Так, так... Пятнадцатое, вторник... Последний лист... Что ж было дальше?

Агния молчит.

Красавица, ты что, забыла службу?

Агния.

За эти две недели

Событий не было, майор.

Майор.

Совсем-совсем?

Агния.

Таких, что вас интересуют.

Майор.

«Не верю!» — закричал бы мхатовский старик.

Ты слышишь, девочка, не верю!

Агния.

Что было? Репетиции, спектакли, вводы...

Шеф лекцию читал.

Майор (*даже подпрыгнул от возмущения*).

Не говори мне: «шеф»!

Он — поднадзорный.

Шеф — это я. Понятно?

Агния.

Да, шеф. Читал Михоэлс лекцию.

Майор.

О чем?

Агния.

О национальном театре.

Майор вскочил.

Майор.

И не было событий, говоришь?

Национальный — это буржуазный.

Вот, что вынашивает Шлема

В своей кудлатой голове!

Устроить хочет кагал жидовский

В центре красной Москвы.

А ты... Зачем, скажи, тебя

Внедрил я в этот театр?

Агния.

Сама не знаю...

Увольте. Не могу, майор. Я не гожусь.

Майор.

Никак нельзя, красавица.
Назад нет ходу.
Ты меченая. Ты пропащая.
Ты душу продала.

Агния.

Вам?

Майор.

Родине, засранка!
У Агнии на глазах слезы.
Ну, извини... Достала...

Агния.

Он так ко мне относится, Михоэлс...
Как к дочери.

Майор.

Купил. Они на это мастера.
Где, слушай, бдительность твоя?

Хватает со стола несколько газет, разворачивает их.

Вокруг враги... Троцкисты...
Льва Давыдовича семья. На шахте взрыв...
Прорвало дамбу...
Селькора и его семью сожгли.
Диверсии, предательство... А ты!

Агния.

Но не в театре!

Майор.

Ты комсомолка или просто
Дура беспросветная?
Мозги интеллигенции вонючей
Косят на Запад.
Гнилой свободы хочется подонкам.

Достает из сейфа несколько папок.

Вот театры... Вот, все до единого...
Подколото. Подшито. Совсекретно.
Вот, видишь, МХАТ.
На Мишеньку Булгакова досье.
Что ни напишет, гадина,
То будто плюнет в рожу советской власти.
Тихонечко, конечно, между строк.
И думает, хитрюга, что он Лубянку обдурил.
Вот Мейерхольда «дело».
Пускай еще покуролесит малость.
Напомним скоро гению, что театр
Не только начинаться,

Но и заканчиваться вешалкою может.
Хохочет.

А вот, гляди, Еврейский театр...
Почти пустая папка.
Твои писульки: пис... пис... пис... По капле.
Все хорошо, прекрасная маркиза,
Все там благополучно. Да?

Агния молчит.

Я спрашиваю: да?
Агния (*с вызовом*). Да!

Майор. Так чтоб ты знала впредь:
Жида — бродильное начало
Всех эпох. Микробы разрушенья и распада.
Им все равно, что грызть:
Буржуев, королей, социализм...

Агния.
Майор, вы лжете!

Майор.
Ах ты... ексель-поксель!
Лишь тебе прощаю.
А почему? Люблю тебя, ты знаешь.
Но лгу не я, красавица, а ты.
О чем твой Шлема говорил
Приезжему из Гомеля?

Агния.
Когда?

Майор.
В ту пятницу.

Агния.
Не слышала. Не знаю.

Майор.
А надо было слышать.
Твой Соломон чуть не заплакал,
Узнав, что пять еврейских школ закрылось.
«Кто ж будет знать язык наш, — он сказал, —
И для кого играть мы будем
через десять лет?»

Агния (*пожав плечами*).

Я не слыхала.

Майор.
Врешь! Или прокол в работе.
Он клеветал на нашу
Национальную политику, подлец!

Что-то помечает в досье.

Агния (*встает*). Могу идти?
Нет, девочка, не можешь.
Ты еще не рассказала, где вчера
Таскались вы со Шлемой.

Агния.

Вчера?

Майор.

Невинность ангельская в глазках!

Ну, браво, истинный талант!

Резко, стукнув кулаком по столу.

Вчера, черт побери! Вчера!

Агния. Зашли в кафе «Национала»...

Майор. Так, так... стучи, стучи...

Агния. Попили кофе...

Майор. И все?

Агния достает из сумочки коробку папирос, хочет закурить.

Майор. Возьми мои. Особые.

Вынимает из ящичка стола папироску, протягивает Агнии.

Травушка-муравушка небо не коптит,

Травушка-муравушка душу веселит...

Агния нерешительно берет папироску. Майор чиркает спичкой. Агния закуривает. Сизый дымок обволакивает лицо.

2

Кафе «Националь». Столики. За одним из них мужчина в сером костюме. Седая голова, молодые, одухотворенные глаза. На столике перед ним чашка кофе, в руках газета. Негромкая ресторанный музыка. Шумно, смеясь, появляются А г н и я и М и х о э л с. На нем свитер и широкие, изрядно помятые брюки. Усаживаются за столик. Михоэлс передает Агнии меню. Вынул из кармана часы, поднес их к уху, потряс и, безнадежно махнув рукой, положил на стол.

Михоэлс.

Эх, шахер-махер, снова стали.

Агния.

Вы же недавно их чинили.

Михоэлс.

Не я, а часовщик.

Забавный старец, между прочим.

Мигом перевоплощается в старика-часовщика — вставляет в глаз воображаемый окуляр, берет на ладонь часы, качает головой и пренебрежительно кладет их снова на стол.

«Когда-то, может, слышали:

Была такая фирма — «Мозер»...

— Но у меня не «Мозер».

Кировские.

«Вы это говорите мне?

Я что, слепой? Невроку сорок лет
Сижу на этом месте».

— Так что с часами будет, мастер?

«Я ж вам сказал уже: не «Мозер»,
Кировские.

Откладывает часы, вынимает из глаза «окуляр».

Не знаю я, что будет.

Надо думать.

Скажите лучше, как вам нравится
Насчет селедки?

Нет, я не нытик. Я за пятилетку.

Железо — да! И уголь — да!

И трактор — тоже да!

Но пусть немножко будет и селедки

С лучком и постным маслом.

Кому она мешает? Трактору? Железу?

Что, я не прав?»

Агния смеется.

— Вы правы, мастер, но мои часы...

Я как без рук... пожалуйста...

«Вы снова за часы...

Кладет их на ладонь...

Вы, наверное, не очень любите

Селедку с луком, а как жена?

А дети ваши? —

Снова откладывает часы.

Вы за детей мне ничего не рассказали.

Есть дети?»

— Есть.

«И сколько, если не секрет?»

— Две девочки.

«О, шейне мейделе... И как зовут их?»

— Нина и Наташа.

«И сколько лет Наташе?

А Нине?»

— Послушайте, любезный,

Вы можете часы мои исправить?

«Фи, кто так говорит: исправить?

Здесь, слава Богу, не тюрьма.

Я мог бы починить их —
Был бы шурупчик, маленький такой...
А их сейчас никто не выпускает».
— Ну извините, говорю, пойду.
«Постойте! Я вас отпустил?
Есть у меня как раз один.
На всю Москву только одни шурупчик.
Для ваших кировских.
Я же знаю: вам без часов никак нельзя,
Товарищ Михоэлс.
Починим, будет все в порядке.
А если что не так, придете снова —
Я буду рад поговорить за нашу жизнь».

Агния смеется. Михоэлс кладет часы в карман.

Агния.

Придется снова старичка проведать.
Появляется Официант — это один из Людей в черном.

Кофе-гляссе, эклер.

Михоэлс.

Бутылку хереса, «Казбек» и кофе.

Официант уходит.

Обычно в это время
Здесь сидит Олеша.
Сегодня почему-то Юры нет.

Агния (*кивком головы указывая на мужчину в сером костюме*).

А то не он?

Михоэлс.

Олеша?! (*Хохочет*).

Его не спутаешь ни с кем —

Затрепанные брючки с бахромой,

Пиджак, как будто жеванный верблюдом...

А этот... Франт какой-то...

Присматривается к мужчине.

Постой... Не может быть...

Да это же великий чародей

Театра украинского... Ай, гад!

В Москве — и не зашел, не позвонил!

Ну, я его отделаю!

К ним подходит Официант. Михоэлс выхватывает из его рук поднос, перебрасывает через руку полотенце и подходит к столику, за которым сидит мужчина в сером.

Кушать подано!

Ставит на стол еду и вино.

Мужчина (*недоуменно*).

Позвольте, я ведь не заказывал...

Отложил газету, взглянул на «Официанта» и тут же саркастически улыбнулся.

Бездарно, Соломон!

Я выгнал бы тебя

Не только из кафе, но из театра тоже.

Кто ставит так вино?

Кто держит так поднос?

Как сковородку на коммунальной кухне!

Берет поднос, легко и грациозно скользит между столиками, ставя на них воображаемые блюда. Подходит к Агнии.

Целую ручки, пани...

Агния.

Агния.

Мужчина.

Александр Зенон Курбас.

Агния (*с легкой иронией*).

Как непривычно, как загранично.

Курбас.

Для вас я просто Лесь.

Подает руку Агнии и ведет к своему столику, за которым уже сидит Михоэлс.

Михоэлс (*разливает вино*).

За встречу!

Все трое поднимают бокалы, пьют.

Давно в Москве?

Курбас. Неделю.

Михоэлс.

А почему один?

Где пани Валентина?

Курбас опустил голову, молчит.

Курбас.

Осталась в Харькове.

Михоэлс.

А ты — надолго?

Курбас.

Бог знает. Может, на месяц...

Михоэлс. На месяц?

Курбас.

Может, навсегда.

Михоэлс.

Да что за чертовщина, шахер-махер!

Как — навсегда?

А театр? Твой «Березиль»?

Курбас.

Был мой, а нынче...

Лир постарел и отдал королевство

Шаловливым детям.

Михоэлс.

Тебе что — восемьдесят лет?

Тоже мне Лир! Мальчишка!

И что же дальше, Лесь?

Курбас.

Пока что вакуум.

Михоэлс.

Безумец! (*Агниш*). И как все безумцы

Он гениален.

Пискатор, Рейнгардт, Мейерхольд —

Он в их ряду.

Курбас.

Спасибо, Соломон.

Михоэлс.

Да не «спасибо», черт возьми!

А завтра... Ты слышишь — завтра!

Чтоб ты пришел ко мне в театр.

Понял?

Курбас (*с улыбкой*).

Форштеен, ребе Соломон. Форштеен.

Смех. Звон бокалов. Темнота.

3.

Лубянка. Маленький столик заставлен бутылками. Вокруг него, развеселые и хмельные,

Майор и Трое в черном.

Третий (*передразнивая Михоэлса*).

Ты гений, ты хохлацкий Мейерхольд!

Обнимает Первого.

Второй.

Писькатор!

Первый.

Чтоб завтра ты пгшел ко мне в театр!

Третий.

Фогштеен, гебе Соломон!

Хохочут, пьют.

Майор (*обтирая губы ладонью*).

Ну, ладно, зайцы, что мы будем делать?

Второй.

Хохол не наш клиент.

Майор (*Третьему*).

А ты что скажешь?

Третий.

Мимо.

Майор.

Я вижу, зайцы, все вы мудаки.

Второй (*Первому*).

А ты чего молчал?

Первый.

Через хохла зацепим Соломона.

Майор.

Во! В самую десятку!

Хоть у одного мозги не в жопе.

Целует Первого в губы.

Второй (*выбивает на столе морзянку*)

Точка-тире-точка-точка...

Майор (*диктует*).

Сообщите... оперативные... данные...

на Курбаса... Александра... Степановича...

Срочно.

Морзянка сменяется какофонией звуков. Сцена погружается в темноту.

Игриво напевая, появляется В а л е н т и н а. Она в роли Параньки из пьесы «диктатура».

Одета с претензией, на плечах пестрая шаль. Лузгает семечки. Курбас, стоя у портала, с усмешкой наблюдает за ней.

Курбас.

А, добрый день, Паранечка!

Сегодня, вижу, в «Березиле»

Играют моего заклятого друга,

Ивана Микитенко.

Что ж, в добрый час.

Подходит к Валентине, тихо.

Люблю тебя. Безумно.

Валентина.

Як ти говориш, товаришу Гусак? Безумно — що? Безумно кохаеш? О-о-о-х! Ти ж на ветерара вчився, а кажеш : для народу. Из ветерарів вичистили, а тепер без посади.

Курбас.

Попала прямо в сердце.

Из «ветерарів», точно, вышибли.

Теперь меж небом и землею...

Но все еще держусь... за облака.

Валентина (*сбрасывает шаль, тихо*).

Что у Михоэлса? Ты рассказал ему про все,

Что здесь творилось?

Курбас.

Неужто мог бы я подставить друга?

Валентина.

И что же он?

Курбас.

«В моем еврейском королевстве, —
сказал он, —

Пока что я король.

Ваяй, лепи, твори и ничего не бойся!»

Валентина.

Ай, Соломон! Ай, молодец какой!

Он пьесу дал тебе?

Курбас.

Да, предложил.

Валентина.

Язык еврейский ты как галичанин

Немножко знаешь.

Курбас.

Да, с этим нет проблем.

Валентина.

Когда ты должен ставить?

Курбас.

А никогда.

Я отказался.

Валентина.

Лесь, ты шутишь.

Курбас.

Послушай, Валя,

Мой путь из Харькова в Москву

Был долгим и мучительным.

Леса, луга и реки —

Я их не видел, нет!

Ты понимаешь: я ехал, Валя,

По судьбе своей —

То в гору поднимался с дерзким свистом,

То, загнанный, вползал в сырой тоннель.

И проплывали мимо

В бессонной памяти моей,

Окутанные паровозным дымом,

Любимых лица, маски подлецов.

И с кем-то я боролся,

С кем-то дрался,

И кто-то шпагой протыкал меня.

Судьба короче, чем дорога

Из пункта А, где я родился,

До пункта Б, где мне прикажут: «Слазь!»

Я выйду на последнем полустанке —

И что же, Валя, друг мой, это все?

Где театр, который строил в облаках

Мальчишка с окрыленными глазами?

Ведь так бездумно

Свои серебряные сны

Он поменял на медные копейки.

Агитки. Однодневки. Шушваль.

Стыдно...

Нет, нет, Господь!

Дай мне последний шанс!

И я отбросил, Валя,

Ту пьесу, которую он дал мне —

Там что-то про колхоз еврейский —

И карандаш в моей руке,

Поверишь, мимо воли, сам

Запрыгал, заплясал...

И появился на листе бумаги

Средневековый замок,

Окруженный рвом...

Валентина.

Молчи, я знаю!

ЛИР!

Ты в «Березиле» бредил им.

Курбас.

Для Бучмы, да.

Теперь все в прошлом.

А Соломон?

Валентина.

Нет, он не Лир.

Курбас.

Еще какой!

Он сам не знает!

Валентина.

А может, ты вернешься в «Березиль»?

Мне так хотелось

Корделию сыграть...

Курбас.

Отрезано. Я предан теми,

Кого взрастил. Я изгнан

Из дома... нет, из храма,

Который возводил

Из сердца, из души,

Из опаленных нервных клеток...

Пойми, не золотом расшитый путь

Искал я, нет!

Искусство — бунт, водоворот, мятеж,

Гудящий колокол, раскачиваемый ветром!.

Валентина.

Когда-то было... Нынче — тишина.

При встрече чуть кивают... Глаза отводят.

Как это мерзко, дико!

Курбас.

Держись. И слез себе не позволяй.

Валентина.

Как ты учил. Иду и улыбаюсь,
Хоть кошки на душе скребут.
Играю. В жизни и на сцене.

Набрасывает на плечи шаль, лущает семечки. Это она снова в образе Параньки.

«Батько казали, що як виграють хлібозаготівлі, зараз і весілля. А поки що не торкайся до мене, бо я за себе не ручуся... Що? На чорта мені аліменти? Аби ти був!»

Тихо.

А тяжело станет, ну совсем невмоготу —
Слова твои шепчу...

Курбас.

Слова? Какие?

Валентина.

«Я выбираю березиль,
Він ламає все старе,
Пробива новому місце...»

Курбас.

Не надо, Валя,
Душу не трави.
Я выбрал березиль —
Невесту белую, березу,
А получил взамен
Осину... (*Горький смешок*).
Кол осинovýй...
Свет гаснет.

5.

Гримировальный столик. Перед зеркалом М и х о э л с. На нем старенький картуз и жилетка. Наносит последние мазки грима. Тут же в комнате К у р б а с.

Михоэлс.

Нет, Курбас, ни за что!
На этот раз твой выстрел — мимо!
Подумай, в самом деле:
Михоэлс — Лир!
Потеха! Смехота!
С моею мордочкой — на трон!
Ну ты сморозил!
Я б личико свое охотно
Отдал в ломбард.

Курбас.

В ломбард?

Михоэлс.

Ну да!.. И потерял квитанцию бы
Тут же, не отходя от кассы.

Оба смеются.

Держу пари, такого Лира, шахер-махер,
Еще не знала мировая сцена.

Курбас.

Тем лучше!

Михоэлс.

Нет, старик, я тот сверчок,
Который точно знает свой шесток.
Я Лир Анатовки, Бердичева, Сосновки,
Король портных, торговцев местечковых,
Молочников и книгонош...
Корона? Как ее носить
Той голове, которая привыкла
К ермолке или картузу?

Курбас.

Ты помнишь, в Харькове
Пришли с тобой мы в зоопарк.
Там лев был старый...

Михоэлс.

Как же! Соломон — мой тезка!

Курбас.

Стоял я сбоку и глядел,
Как вы беседовали с ним —
Два льва, два Соломона,
Два мудрых и веселых короля.
И дело не в обличье —
Сердцем ты король.
Великим, древним,
Несчастливым и гонимым,
Как твой народ.

Михоэлс.

Теперь понятно, почему оно болит.
Замучил ты меня... Где валидол?

Вынимает из баночки таблетку, держит ее на ладони.

Все, Лесь. Кончаем разговор,
Я дам тебе другую пьесу.

Курбас.

Шекспир.

Михоэлс.

Это принцип?

Курбас.

Да, принцип.

Долгая пауза.

Михоэлс.

Ну что ж, мне очень жаль.

Курбас.

Мне тоже.

Пожимают друг другу руки. Курбас уходит.

Михоэлс задумчиво глядит ему вслед, потом со злостью швыряет таблетку на пол. Свет медленно гаснет.

6.

В световом луче А г н и я.

Агния.

Да, девочка, пора уже признаться —

Откройся дневнику...

Ой, смех! Ну чем не гимназистка,

Влюбленная в учителя словесности!

Шепчу бессонными ночами

Его лесное, ласковое имя.

Оно как легкое дыханье

Трав луговых,

Как шелест листьев

В колдовском лесу —

Лесь... Лесь...

Когда мы репетируем, порою

Он на меня бросает взгляд

Серо-зеленых ясных глаз —

Кого он видит в ту минуту?

Корделию или меня?

Дочь короля с открытым нежным сердцем

Иль гадкую девчонку,

Которая готова его предать?

Что я пишу? Идиотка!

Немедленно все зачеркнуть

Или страницу вырвать!

Итак... Двадцать седьмое ноября...

Вчера — шестая репетиция.

По деревянным мостовым

Пришли мы к самому Шекспиру

В театр «Глобус».

Корделию и двух ее сестер

Играли — ну подумать только! —

Му-жи-ки!

Смеется.

Оказывается, был в ту пору

Его величества запрет строжайший

Показывать со сцены женщин,

Дабы не развращать

Благочестивых граждан.

А вот Шекспир...

Музыкальный аккорд, меняется свет. Появились Трое в черном. Накидки и женские парики превратили их в Дочерей Короля Лиры. При их появлении Агния исчезает.

Второй.

А что Шекспир!
Подумаешь, Шекспир!..
Ну, драмодел... Перелицовщик старых хроник.
Ну, пайщик театра... Ну, артист...
Хреновый, между прочим.
Но кто, черт побери, дал право
Ему снимать артиста с роли? Кто?
Я столько лет Корделию играл,
Само ее величество
Роняло свои монаршьи слезы,
Когда я ангельским нежнейшим голосом
Произносил:
«Добрейший государь,
Люблю вас, повинуюсь, уважаю».

Второй и Третий притворно плачут.

Второй.

Ты растопить любое сердце мог!

Третий.

Мог...В прошлом все.
Вы знаете, что мне сказал
Сэр Вилиам, чума на его душу!
«Твой голос огрубел от табака и эля,
Живот торчит. Теперь за сценой будешь
Палить из пушки и делать гром».

Второй.

Такому мастеру как ты —торчать в кулисах?
А кто ж сыграет дочку короля?

Третий.

Корделию? Привел он паренька на эту роль.

Второй.

Артиста?

Третий.

Если бы!
Тарелки мыл в таверне «Сокол».
И приглянулся мэтру нашему...

Неслышно появляется Агния. На ней плащ с капюшоном, скрывающим лицо. В руке свернутые трубочкой страницы роли.

Первый.

Доверить такую роль
Мальчишке из таверны!

Второй.

Какое сумасбродство!

Они видят Агнию и замолкают. Третий подходит к ней, снимает свой парик и, церемонно расшаркиваясь, протягивает ей.

Третий (с сарказмом).

Благоволите взять, мой юный друг.

Агния.

А вам не жаль?

Третий.

Утратив голову, по волосам не плачут.

Второй (Агнии, со злостью).

Ты роль его перехватил. Украл!

Первый.

Ворюга! Ступай к себе в таверну!

Второй.

Тарелки мыть!

Третий.

Нет, джентльмены, так нельзя.

Пусть юная Корделия блеснет

На сцене «Глобуса»... Бери, бери парик.

Первый.

Не хочет.

Второй.

Брезговает, видишь.

Агния.

Мне на премьеру сделали другой.

Отбрасывает капюшон. Волны прекрасных шелковых волос падают на ее плечи. Трое переглядываются.

Второй.

Парик что надо! Китайский шелк!

Первый.

Сэр Вилиам не пожлобился!

Второй.

Клянусь чумой, отдал

Пятнадцать шиллингов, не меньше!

Третий.

А ну-ка, дай потрогать!

Второй.

И мне!

Первый.

И я хочу!

Агния убегает от них. Треть ему удается ее нагнать. Она отбивается. Третий сильно прижимает ее к себе.

Агния.

Пусти, подонок!

Появляется М а й о р. Он в коротком плаще с пристегнутой шпагой.

Третий (*не отпуская Агнию*).

Сэр! Сэр!

Майор. Отстань от новенького, слышишь!

Козел!

Агния убегает. Трое, взволнованные, окружают Майора.

Третий.

Милорд, послушайте!

Второй.

Нас облапошили!

Первый.

Обули!

Второй.

Да просто подковали,

Как ишаков!

Майор, смеиваясь, смотрит на них.

Майор.

Чего вы, зайцы, всполошились?

Третий. Милорд, я только что

Притиснул к себе

Артиста самозванного.

Майор.

И что же?

Третий. Клянусь Всевышним,

Две тугие грудки,

Будто плоды, трепещущие в листьях,

Я ощутил рукой своей.

Майор.

Мудак, пить надо меньше.

Первый и Второй хохочут.

Третий.

Что-что, милорд,

А курицу от петуха

Еще способен отличить я.

Клянусь вам виселицей,

Это баба! Баба!

Майор.

А баба — что, не человек?

Вот пусть и будет в театре «Глобус»

Наш человек, понятно?

Свет изменился, появилась Агния — без капюшона, в обычном платье. В руках блокнотик. Майор и Трое в черном сбрасывают бутафорию.

Ну что, товарищ Агния? Читайте.

Велел записывать я слово в слово.

Агния.

А что читать-то?
Семь репетиций было...

Майор. (с интересом).

Ну. ну... Колись...

Агния.

Семь праздников души.

Трое в черном.

Ох-ох-ох-ох!

Агния.

Часы, когда над нами
Летало само искусство!

Первый.

Ах, умереть!

Агния.

«Вы, пани Агния, оплот моей работы,
Так говорит мне Курбас. —
Дочь короля должна открыть
Глаза слепые Лиру».

Майор.

Такая девочка, как ты, откроет!
Как же! Пальцем в небо
Попал твой гениальный режиссер.

Подходит к Агнии. Глаза в глаза, тихо.

А что, скажи, красив хохол? Красив. И не чета мне?

Агния.

Не чета.

Майор.

Ты спишь с ним, сучка?
Гляди-ка, Мата-Хари,
Плохо кончишь!

Второй.

Театр на Лубянке измены не простит!

Трое в черном окружают Агнию. Пританцовывают и поют.

Трое в черном.

Красоточка, красотка,
Сексоточка, сексотка —
Корделия такая не снилась никому —
Ни мистери Шекспиру,
Ни чокнутому Лиру,
Ни даже на Лубянке майору одному!

*Музыка. Резко вырубается свет. Темнота. Из глубины сцены быстро выходит Курбас.
Он чем-то взволнован.*

Курбас.

Валя! Валя! Валя!

Останавливается перед рампой. В луче света появилась Валентина.

Я, видимо, кричал во сне...

Валентина.

Я слышала в ночи твой голос.

Курбас.

Проснулся — пусто.

И холодно, и одиноко.

Валентина.

Родной мой, я приеду. Потерпи.

Мы встретим вместе Новый год.

Уже собрала вещи зимние твои —

Ботинки, шубу, теплое белье...

Курбас.

А книги? Книги!

Валентина.

Какие? Говори!

Курбас.

Два тома Гегеля.

Валентина.

Два тома Гегеля.

Курбас.

Монтень.

Валентина.

Монтень.

Курбас.

И Гейне на немецком.

На верхней полке. Слева у окна.

Валентина.

Так, у окна...

Курбас.

И режиссеров — Рейнгардта и Крэга.

Затем...

Валентина.

Послушай, милый,

Двум белым ручкам

Премудрость эту не поднять.

Курбас.

Усадят в Харькове, а здесь я встречу.

Мне кажется, ты улыбаешься сейчас...

На ее лице действительно легкая улыбка.

Валентина.

Ты прав...В кармане твоей шубы

Нашла я квадратики из ватмана.

Курбас.

А, помню.

Валентина.

Ты мне велел когда-то записывать на них

Все незнакомые слова.

А то, что значили они, —

На обороте.

Идя по улице, я помню, вынимала

Квадратик из кармана,

Читала слово:

«Ка-тар-сис», «Экс-прес-сионизм»,

«Эк-лек-тика»... И если верно,

Сама себе его я объясняла,

Квадратик попадал в другой карман.

Курбас.

А вечером ко мне.

Валентина.

Охота была тебе возиться

С какой-то актрисушкой из массовой!

Курбас.

Не с актрисушкой,

А с будущей женой.

Так вот... Квадратики картона...

Сейчас в газетах наших столько новых слов.

Я стала их выписывать, как прежде,

Жаль, нет тебя, чтоб объяснить их суть.

Вот, например... «идейная диверсия».

Не понимаю, видимо, тупа.

«Формалистический кунштштюк» —

Ну что это за монстр?

Или «фашистский выкормыш»?

Тебе понятно?

Курбас.

Какие звучные, красивые слова!

Валентина.

Я их выписываю из рецензий театральных.

Курбас.

Их впору приберечь для некрологов.

Валентина. Я рада, Лесь, что ты сейчас не здесь.

Что в королевстве Лира?

Курбас.

Король великолепен.

Но, правда, иногда

Его величество упрется

И спорим с ним до хрипоты,

Пока пойдем друг друга.

А вот Корделия...

Легка на отклик, импульсивна.

Валентина.

Красива?

Курбас.

Прелестна и нежна.
Сэр Вильям лучшей не нашел бы,
Но что-то в ней
Еще не смог преодолеть я —
Какой-то затаенный страх
В ее глазах.
А мне нужна открытость.
И чистота души.
Твоей души...

Валентина.

Моя Корделия погибла. Крест.

Курбас.

Как знать.

Валентина.

Чем дальше ты, тем лучше для тебя.
Да, вот что, Лесь..

.
Долгая пауза.

Хотела я послать тебе в Москву
Банку вишневого варенья...

Курбас.

Что-что? Варенье?

Валентина.

Ну да ...Ты ж любишь вишню? Понял? Вышню?

Курбас.

Вышню?

Валентина. Так вот... Забрали вишню у меня.

Забрали Вышню.

Курбас.

Бедный Остап...

Я так любил вишневое варенье...

Свет гаснет.

8.

*Лубянка. За столом М а й о р . Перед ним А г н и я . Поодаль клацают костяшками домино
Трое в черном.*

Агния.

И если... если...

Вы не отпустите меня...

Майор.

Так что же, зайчик?

Агния.

Повешусь! Утоплюсь!

Трое в черном.

Ай-ай-ай-ай!

Майор.

Какие страхи!
Готовы мы помочь тебе.
Повесить?

Первый.

Ради бога!

Майор.

Утопить?

Второй.

Всегда пожалуйста!

Майор.

Зачем тебе самой мараться, зайчик?

Но только вот что...

Папашку и мамашку тоже

С собою прихватить придется

Как недобитых подкулачников, добро?

Такой был договор. Ты помнишь?

Второй выстукивает пальцами морзянку.

Второй.

Шифровка, шеф. Секретно. Из Хохляндии.

Майор.

Давай.

Второй.

Точка-тире-точка-точка-тире...

На ваш запрос...

Буржуазный националист...

Вел подрывную деятельность...

Разоблачен как враг народа

И национал-фашист...

Снят Наркомпросом Украины...

Изгнан из театра...

Майор (*потирая руки*).

Какую птичку в наши сети занесло!

Подмигивает Агнии.

Первый (*поет*).

«Дивлюсь я на нэбо

Та й думку гадаю:

Чому я не сокил,

Чому не летаю?...»

Майор.

Ай, хитрецы! Прикрылись Лиром,

А сами... Поняли теперь?

Спектакль — ширма!

Там зреет заговор.

Второй. Хохлацко-жидовский.

Третий. Или жидовско-хохлацкый.

Первый (*восторженно*).

Какой красивый матерьяльчик прибыл к нам!

Второй.

Так будем брать хохла?

Агния хочет уйти.

Майор.

Куда ты, девочка?

Подходит к ней, гладит волосы. Агния пытается отстраниться.

Она поможет нам.

Не правда ль, зайчик?

Тебе ведь хочется прийти к нему домой

И посидеть за чашкой кофе?

И между прочим...

Слышишь, между прочим...

Его бумаги посмотреть...

Черновики и письма...

Агния.

Нет!

Майор.

А что поинтереснее — списать

Или забрать на время.

Агния.

Нет!

Майор.

На время, зайчик.

Мы ведь отдадим.

Мы люди честные,

Как ты могла подумать?

Агния.

Нет, нет! Я не хочу! Не буду!

Майор кладет руки ей на плечи, слегка сдавливает шею.

Пустите!

Майор (*трагически закатывая глаза*).

«Молилась ли ты на ночь, Дездемона?»

Трое в черном хохочут.

Второй.

Она Корделия, майор!

Майор.

«Молись скорей, да только покорооче!»

Агния задыхается.

Жить хочешь? Да? Ребята, танго!

Джаз-гол. Танго. Майор танцует резко, грубо. Агния безвольна, податлива.

Майор (*поет*).

Любовь, любовь

Волнует кровь.

И на Лубянке, Лубянке, Лубянке

Танцуют вновь.

Трое в черном.

Хо-хо-ха-ха!

Хо-хо-ха-ха!

То не бал, не маскарад —

Танцуем танго.

Шаг вперед, два назад. —

Танго орангутанга!

Майор в танце перебрасывает Агнию через колено. Она падает. Трое в черном окружают ее, хохочут. Гремит музыка. Темнота.

Конец первой тетради

ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ

Гримуборная. Михоэлс в вышитом камзоле. Примеряет перед зеркалом корону. Входит Курбас.

Михоэлс.

Быть может, так, чуть набок?

Курбас.

Конечно! Ты не грозный деспот,

А взбалмошный старик

На королевском троне.

Величие твое и мудрость — впереди.

А в первом акте захотелось старцу,

Уставшему от лести и притворства,

Немножко пошутить — отдать корону.

Ты и король, и шут. Король и шут!

Михоэлс встает, делает несколько мелких, шаркающих шажков, обходит взглядом воображаемых придворных.

Михоэлс-Лир (*со смешком*).

«Мы огласим сокрытое желанье.

Подайте карту. Знайте: разделили

Мы королевство натрое, решив

С преклонных наших лет сложить заботы...»

Снимает корону, сдувает с нее пылинки и приглаживает волосы.

Курбас.

А шапочки-то нет!

Запомни жест!

Трепещущими пальцами

Коснешься невзначай волос —

И ужас, пусто!

Нет королевского венца!

И скорбь, и жребий твой печальный —

Все через эти пальцы! Все!..

Мне кажется, что в этой гениальной пьесе

Содержится какой-то знак,

Фатальный реквием

Для тех, кто прикоснулся

К трагедии утраченного царства.

Михоэлс.

Ты прав. Толстой ногами топал,

Кричал: «Неправда! Король всевластный

Не мог по прихоти своей бродягой стать!»

Курбас.

А сам!

Михоэлс.

Вот именно! Ушел из Ясной

И принял смерть среди калек и нищих.

Курбас.

А Шекспир?

Не он ли первым утратил королевство —

Свой театр «Глобус»?

Михоэлс.

Не первый и не последний...

Подходит к Курбасу и молча обнимает его.

Так, может быть, откажемся от «Лира»?

Не будем искушать судьбу?

Курбас.

А ты бы смог?

Михоэлс. Ты что! Я им живу.

Курбас.

А так артачился, комедию ломал!

Зачем?

Михоэлс.

Во-первых, я комедиант.

А, во-вторых... Скажи, в каком театре

Ты ставишь свой спектакль?

Курбас.

В каком, в каком... В Еврейском.

Михоэлс.

Вот-вот, а где ты видел,

Чтобы еврей так с ходу соглашался? А?
Он думает, он крутит, как на рынке.
Но стоит покупателю уйти,
Он гонится за ним, как сумасшедший!
Да, Лесь, скажу как на духу:
Я с юности мечтал о Лире.

Курбас.

Вот хитрюга!

Михоэлс.

Послушай... В Риге, в училище реальном,
Старик-профессор заставлял нас часто
Читать стихи и пьесы вслух.
Доходим до Шекспира. Он Лира дал мне.
А читали по ролям...
Боже! Казалось мне, что это не король,
А мой старик-отец, Михаил Вовси,
Покинул дом и умирает где-то
На пустыре, в лохмотьях, среди бездомных псов.
«В такую ночь прогнать меня!
Регана, Гонерилья! Отца, что вас любил,
Что все вам отдал!»
Гляжу: профессор мой рыдает,
И класс притих. Я тоже весь в слезах.
И вот тогда решил:
Авось с такой корявой мордой
Актером стану, сыграю Лира,
Непременно. Слово дал.

Курбас.

Так что же ты...

Михоэлс.

Ты предложил. Я отказался. Думал.
День, два...

Хитро, с прищуром смотрит на Курбаса.

Курбас. \

И что же?

Михоэлс.

И вдруг — звонок. Какой-то сиплый голос.
Я, мол, артист...

Курбас.

Ну-ну...

Михоэлс.

Я трагик, говорит, из Ярославля.
Услышал, будто вы сыграть хотите Лира.

Курбас.

Черт побери, откуда он узнал?

Михоэлс.

Ума не приложу... Так вот,

Вы посоветуйтесь сначала, говорит,
Хоть с зеркалом своим.
Оно вам скажет правду.
Не совершайте святотатства
И не глумитесь над Шекспиром.
Позор падет на вашу голову, Михоэлс!

Курбас.

Вот негодяй! И что же ты?

Михоэлс.

Вот тут и разгорелось сердце.
Нет, думаю, надену я корону
Наперекор всем трагикам земли
От Лондона до Ярославля!
И только трубку бросил, Лесь...
Вдруг как зашелся смехом...

Курбас.

Смехом?

Михоэлс.

Прошибло, знаешь, до печенок-селезенки.
Вот хохочу — и все!

Курбас.

Да почему же?

Михоэлс. Не понял?

Курбас. Нет.

Михоэлс (*подходит к Курбасу. Тихо*).

А потому что этот трагик
Из Ярославля
С акцентом украинским говорил.

Курбас (невинно).

Да?

Михоэлс.

Да, милый Курбас. Да.

Похлопывает его по плечу.

Еврея обдурить слабо!

Курбас (*церемонно поклонившись*).

Ваше величество, но трагик тот,
Из Ярославля,
Вас все же усадил на королевский трон,
Так кто кого надул в конечном счете?

Михоэлс.

Выходит, что хохол — жида!
Обнимаются. Долго и оглушительно хохочут.

9.

Комната Курбаса. Тахта, круглый столик, пара венских стульев. Повсюду книги, газеты, рукописи. На коленях у Курбаса маленький детекторный приемничек. Разноязыкие голоса,

щелчки станций, музыка. Появляется А г н и я. На ней старенькая шубка, ботики, в руке сумка. Стоит, смотрит.

Курбас (*увидев ее*).

О, пани Агния!

Вскакивает, подходит к ней.

Целую ручки!

Помогает раздеться.

Не слышал вашего звонка.

Агния.

Я, видимо, нажала не ту кнопку —

Открыл сосед ваш...

Курбас (*подвигает стул*).

Прошу, пани.

Агния.

У вас я попадаю

В какой-то новый мир.

Садится.

Я — пани! Чушь!

Курбас.

А в Польше все паны —

От дворника до президента.

Агния.

То на другой планете.

А у нас — мы все товарищи,

Без пола и без лиц.

Ну, ладно... Напросилась в гости.

Курбас.

Я рад.

Агния.

А мне неловко. Вижу, вы работали.

Курбас.

А, ерунда... Играл мне Моцарт,

А я тем временем переводил,

Чтоб не забыть ни дойче шпрахе,

Ни ридной мовы.

Агния.

Ой, Лесь Степанович, не знаю,

Как мне начать...

Курбас.

Быть может, нам поможет кофе?

Агния.

Не откажусь. Спасибо.

Курбас выходит. Агния встает, внимательно рассматривает рукописи, книги.

Появляется с кофейником в руке Курбас. Наливает две чашки, одну ставит перед Агнией.

О, прелесть!

Так вы не только мастер мизансцен!

Курбас.

Кофе и театр — одна, но пламенная страсть.

Агния.

Да, кофе сладкий, но горька беседа.

Курбас.

Я думаю, товарищ Агния пришла
По поводу товарища Корделии.

Агния.

О, вы провидец! Но не только
Ради этой девчонки.

Закуривает.

Скорее — ради самой себя.

По-моему, во время репетиций
Вы убедились: мы с нею разные,
Как небо и земля.

Я — темный омут,

А она родник прозрачный.

И нам друг друга не дано понять.

Я не войду в нее...

Курбас.

Уже вошли!

Поверьте, вы уже не та,
С которой начинали мы работу.

Как с амфоры,

Вы каждый день

С души смывали

Ил или песок.

Агния.

Но доньшко нетронутым осталось.

Курбас.

Отмоем, пани Агния!

Агния.

О, нет. Там... там...

Невымываемый осадок.

Курбас.

Что вас тревожит? Что?

Агния делает глубокую затяжку, гасит папиросу в пепельнице. Молчит.

Агния.

А то, что я,

Дрянная, гадкая девчонка,

Взяла и полюбила вас.

Курбас.

О, Боже, Агния, и это

Тот несмываемый осадок

На доньшке?

Улыбается.

И я люблю вас, милая.

Агния.

Зачем вы так —
Любезно и с насмешкой,
Как с барышней, которая призналась
В своей нелепой детской страсти.

Моя любовь —

Беда для вас.

И для меня.

Курбас.

Но, Агния...

Агния.

Молчите, Лесь. И слушайте меня.
Должны вы уехать из Москвы. Немедленно.

Курбас.

Вы что — смеетесь?
Лир, Корделия, театр!...

Агния.

Они вас не спасут.

Курбас.

Я что — преступник?

Агния.

Они считают так.
Уедьте, Лесь... Прошу вас,
В Воронеж, в Киев, в Харьков —
Куда угодно.

Курбас.

Только не в Харьков.
Я бежал оттуда.
Там пепелище.
Все выжжено дотла
Предательством и злобой.
Лишь угли тлеют.

Агния.

А здесь готовят бочки со смолою
Для нового кострища.

Курбас.

Откуда... вам известно?

Агния.

Я правды не скажу.
Признание — смерть.
Уйду, когда дадите слово
Хотя бы сжечь бумаги.

Курбас.

Вы думаете?..

Агния.

Знаю. Они придут.
Все жгите, только пепел
На кухню выносить не надо. Ваш сосед...

Мы где-то там, по-моему, встречались.

Взяла стопку исписанных листов, чиркнула спичкой, ярко вспыхнул маленький огненный факел. В руках Курбаса тоже свернутые трубочкой бумаги. Он медлит, потом подносит к пламени. Агния берет приемничек.

На время. Хорошо?

Так хочется мне Моцарта послушать...

Кладет к себе в сумку. Горят бумаги. Блики огня пляшут на лицах. Комната медленно погружается в темноту. Музыка. Наверное, Моцарт.

10.

Вокзал. Ночь. Гудки паровозов. Вбегают Трое в черном. Глаза рыскают, взволнованы.

Второй.

Ушел!

Третий.

Вот гад!

Первый.

Я пас его от самой Триумфальной

До вокзала.

Второй.

Знал, где смыться, сучий сын!

Матерый! (*Третьему*). А что твой нос?

Третий старательно нюхает воздух.

Третий.

В соплях...

Громко чихает.

Второй.

Да, вмазались, ребята. А вдруг уехал?

Первый.

Вы что? Майор нам мелкие детали

С мясом оторвет.

Третий.

Он без вещей. Куда бы он уехал?

Первый.

Кончай базар!

Мигом прочесать платформы,

Кассовый зал, тоннели, переходы.

Он здесь, он далеко не мог уйти.

Убегают. Появляется Курбас. Ставит чемодан под фонарем. Закуривает.

Высвечивается Валентина.

Валентина. Ты встретил поезд? Вещи получил?

Курбас. Я ждал тебя.

Валентина молчит.

Валентина.

Там, в чемодане, мой подарок.

Бутылочка малаги.

Помнишь?

Курбас.

Наш первый Новый год?

Валентина.

Ага...Подвальчик кабачка...

Вокруг актеры — тосты, хохот.

И ты творишь таинственный обряд

Над девочкой пугливой, посвящая

Ее в актрисы Молодого театра...

Курбас (*подняв правую руку, торжественно*).

Прекрасно верить...

Валентина.

Прекрасно верить!

Курбас.

Прекрасно гореть...

Валентина.

Прекрасно гореть!

Курбас.

И прекрасно сгореть в своей вере...

Валентина.

И пре... и прекрас... прекрасно...

Слезы душат ее.

Курбас.

Ты плачешь. Что с тобой?

Быстро подходит к ней. Валентина падает головой ему на грудь. Он нежно гладит ее волосы. Взволнован.

Валентина.

А мы тебе вчера письмо писали.

Курбас.

Мне?

Валентина.

Тебе и всем на свете. Без конверта.

Курбас (*догадываясь*).

Открытое?

Валентина.

Ага... «Мы, коллектив театра «Березиль»...

А далее — не помню.

Нас вызывали, Лесь, поодиночке

За кожаную дверь, по алфавиту...

Кто быстро выходил — сияющий, веселый,
Как будто душу облегчил.
Кто выползал раздавленный и жалкий,
И, глядя в сторону, тут же исчезал.

Курбас.

А ты?

Валентина.

Перо вложили в пальцы...
В лицо дышали винным перегаром...
О Лесь... мне нет прощения.
Сказали: если все подпишут,
Весь театр,
Тебя не тронут больше.

Курбас.

Ты подписала?

Валентина.

Я предала тебя ,
Как все...
Теперь скажи, могла ли я приехать?
В глаза твои взглянуть? Могла? Могла?

Ведь «башмаков еще не износила»...

Курбас *(легко, с улыбкой, как бы не придавая значения услышанному).*

Подумаешь, какой-то росчерк
На листе бумаги!
Что он способен изменить?
Да разве стоит он одной слезинки
В твоих глазах?

Валентина.

Ты что, не понял, Лесь?
Я отступилась от тебя.
Я ОТРЕКЛАСЬ!

Курбас.

О Боже, Валя, отними от сердца
Эту жабу. Не мучай, не терзай себя, прошу!
И Галилей отрекся, помнишь?
Но для кого?
Для них, для инквизиторов,
Не для себя.

Валентина.

Ты классно роль играешь,
Чтоб меня утешить.
Но это же неправда, Лесь.
Ты должен презирать меня —
Жену, актрису, просто человека.

Курбас.

А я, наоборот, ее люблю!
Целует Валентину.
Мой маленький, мой глупый Галилей!

Валентина.

Пусти! Пусти!

Вырывается из его объятий и убегает.

Курбас.

Валя! Валя!

Она уже в глубине сцены. Взмахнула рукой в муфте, исчезла, растворилась в темноте.

Паровозные гудки возвращают действие на вокзал. Курбас берет чемодан и делает несколько шагов. Ему навстречу, шатаясь «под пьяного», идет Первый.

Первый (поет).

«Когда б име-ел зла-тые горы

И реки, полные вина!..»

Куды ты, кореш? На краснодарский?

Курбас пытается его обойти.

Курбас.

Нет, нет... Пустите...

Первый.

А может, на Минводы?

Печенки-селезенки промывать?

Курбас.

Я никуда не еду. отойдите, прошу вас.

Появляются Второй и Третий.

Первый.

Тогда какого хрена

Ты свой портфельчик

Таскаешь по вокзалу?

Второй.

Открой-ка, падла!

Курбас.

Я позову милицию.

В чем дело?

Третий.

Милицию ты, сука, позовешь?

А это видел?

Показывает ему удостоверение.

Первый (ударив носком ботинка по чемодану).

Патрончики-лимончики?

Открой, кому сказали?

Курбас открывает чемодан. Трое роются в вещах. Первый и Второй вынимают книги, рассматривают их.

Второй. Ге-гель.

Первый. Мун-день.

Второй. Троцкисты, что — не видишь?

Третий вытаскивает бутылку вина, рассматривает этикетку.

Третий. «Ма-ла-га... 907 года...»

Второй. Из царских погребов.

Первый. Заносим в протокол!

*Привычным ударом выбивает пробку. Подносит горлышко ко рту.
Ну, с наступающим!
С одна тысяча девятьсот тридцать четвертым!
Пьет и передает бутылку Второму. Курбас пытается перехватить ее.*

Второй.

Не трожь, собака!

Третий.

Конвой стреляет без предупреждения!

Мерзко хохочут. Бутылка идет по кругу. Бьют куранты.

11.

Лубянка. Перед столом М а й о р а сидит К у р б а с .Расставив ноги , стоят Трое в черном. Майор подходит к Первому.

Майор (Курбасу).

Вот этот, что ли, обзывался?

Ах, сука!

Будто бы наносит Первому удар в пах. Тот с притворным воплем валится на пол. Майор подходит к двум другим.

А этот — нет? И этот тоже — нет?

Чекисты, вашу мать...Святее всех святых

Должны быть наши люди.

Не палачи, не костоломы,

А рыцари без страха и упрека.

Попробуй только скурвиться,

В любого

Я девять грамм своей рукой всажу.

Садится за стол.

Мне, Александр Степанович, приятно

Вас видеть у себя в гостях.

Вы выдающийся, известный мастер театра,

А мы, все четверо...

Ой, как мы любим театр!

Я, между прочим, в юности грешил —

Стихи писал, куплеты, да, да! Сценки

Про Врангеля, про Колчака.

Для «Синей блузы». Для агитбригад.

Мечтал, естественно, повыше прыгнуть

Да не пробился.

Придешь в один театр - там Моисей Израйлевич.

В другом — Израиль Моисеевич.

Талдычат мне, как будто сговорились:

«Бездарно... Плоско...

Выбросьте в корзину...»

Вот и пришлось мне в органы пойти.

Вы только не подумайте, что я

Против евреев, нет!

Вообще любую нацию страны великой нашей
Мы уважаем.
Вас, украинцев, например...

Первый.

Узбеков любим.

Второй.

Эскимосов.

Третий.

Даже кара-калпаков.

Майор.

Всех без исключения.

Особенно евреев.

Живой народ. Веселый. Симпатичный.

И мастер анекдоты сочинять.

Вот, например, один...

Смеется, заливается.

Проходит Мойше мимо Мавзолея...

Трое в черном хохочут.

Курбас.

Майор, простите...

Второй.

«Гражданин майор».

Курбас.

Я хотел бы знать.

Зачем сюда меня вы пригласили?

Три репетиции пропущено уже.

Трое в черном.

Ох-ох-ох-ох!

Майор.

Да разве это много?

Сказал поэт:

«У нас в запасе вечность».

Вообще мне нравится,

Что украинский мастер

Пришел в еврейский театр.

Вот сталинская дружба народов,

Не правда ли?

Помочь евреям надо,

Александр Степанович.

Страна на стройке,

Пятилеткой дышит,

А они никак не выйдут

Из своих местечек сраных

И называют это

«Национальный театр».

Скажу вам откровенно, между нами,

Михоэлс не туда ведет театр.

Первый.

Не только театр, шеф.

Майор.

Ты прав. Он много на себя берет.
«Я отвечаю, — говорит он, — не только
За свой театр, но и за весь народ еврейский».

Курбас.

Что ж здесь крамольного?
Ведь Соломон Михайлович
Большим авторитетом пользуется.
К нему приходят люди
За помощью и за советом.
Он может так сказать:
«Я отвечаю за весь народ еврейский».

Майор (*стукнув кулаком по столу*).

Молчать! Сказать так может
Только великий вождь.
За все народы
Он один в ответе.
Вот вам бумага, Курбас.
Напишите, что слышали
Подобные высказыванья в театре.
Добавьте еще чего-нибудь,
Ну пару анекдотцев —
Он мастер их рассказывать, мы знаем.

Курбас.

На репетициях мы говорим
Лишь о Шекспире.
Отодвигает бумагу.

Майор.

Жаль. Александр Степаныч.
Жаль, гражданин Курбас.
Придется вам немного задержаться
У нас в гостях.
Подумайте, припомните...
Нам очень бы хотелось.
Чтоб вы нам помогли.
Ребята создадут вам все условия
Для отдыха и творческой работы.

Встает, давая понять, что разговор окончен. Курбас направляется к выходу. Проходит мимо Людей в черном.

Первый. Анфас?

Щелчок фотоаппарата.

Второй. Профиль!

Тот же звук.

Третий. Оттиски пальцев!

Первый. Вперед!

Второй. Шаг влево, вправо считается побег.

Третий. Конвой стреляет без предупреждения!
Пропускают вперед Курбаса и выходят вслед за ним. Темнота.

12.

На драном матраце, свернувшись калачиком, лежит А г н и я . За тюремной решеткой неясный, мутный свет. Входит М а й о р , присаживается на металлическую табуретку.

Майор. Вот видишь, зайныка, любовь...
Она доводит до решетки...
Себя сгубила и полубовника спасти не удалось.
Он тоже здесь, красавец твой,
По коридору рядом.
С ним будем разбираться,
А вот с тобой все ясноенько.
Сожгла бумаги, сучка, дневники и письма,
Приемник в Язузу швырнула.
И думаешь, спасла его?
Улики уничтожила?
А нам они до феньки.
Судом партийной совести мы судим.
А этому суду улики не нужны.
Мне жаль, конечно, девочка, что ты
Корделию сыграть уже не сможешь.
Но ничего, не огорчайся:
В своем театре я дам тебе другую роль.
Эй, стража! Где вы, черт возьми? Сюда!

Выходит.

Освещение меняется. Дробь барабана. Вбегают одетые стражниками Трое в черном. Хватают Агнию обвязывают ее веревкой. Появляется Майор. Он в парике и черной мантши. Разворачивает свиток, читает.

Майор.
Как председатель Тайного совета
Его величества Иакова Второго,
Божией милостью монарха
Англии, Шотландии, Виргинии,
Сим объявляю приговор.
Параграф первый.
Сэр Вилиам Шекспир,
Актер и джентльмен и пайщик театра «Глобус»,
Указ его величества нарушил
И содержал в театре
Под видом артиста мужеского пола
Блудницу непристойную,
Тем самым развращая
И труппу театра,
И благочестивых граждан.

Параграф номер два.
Сэр Вилиам Шекспир,
Покинувший столицу
И скрывшийся от королевской власти,
Навечно отчуждается от театра.
Параграф три.
Блудницу, уличенную в делах ведьмовских,
Предать огню на площади у театра.
Агния (*криком*).
Меня? За что?
Майор. Майор госбезопасности
Его величества Иакова Второго.
Первый.
Ступай, Корделька,
Толай, толай.
Подталкивает ее. Агнию уводят. Третий подходит к Майору.
Третий. Так, может, шеф, и театр... того...
Одною спичкой — пшик и нету...
Майор (*протирает ухо*).
Я что-то плохо слышать стал.
Наверно, пробки, сера...
Третий. Я понял... Будет сера, шеф. (*Уходит.*)
Майор (*снимает парик, обтирает вспотевший лоб*).
Жарища, черт возьми...
А говорят, что в средние века
Суровый климат был. Вот чушь собачья!

13.

Лубянка. Майор ходит по кабинету. Появляется Первый.

Майор. Ну что?

Первый. Молчит.

Майор. Работал с ним?

Первый. Так точно. По первой категории.

Майор. Холодное давал?

Первый. А как же.

Майор. На цементе?

Первый. Так точно, шеф.

Майор. Горяченьких влепил?

Первый. Два раза, как велели.

Майор (*по телефону*). На «мельницу» хохла.

Кладет трубку.

Жалобы, просьбы были?

Первый. Были. Я, говорит,

Двенадцать репетиций пропустил!

Хохочут.

Майор. Тринадцатая будет на Лубянке.

Новый взрыв хохота. Второй и вводят Курбаса. Он в наручниках.

Что будем делать с ним?
Не хочет человек на волю выйти.
Вот ручка, вот бумага, Курбас.
Последний шанс. Слово чекиста, отпущу!

Первый.

Он с нами не желает говорить.
Тогда мы сами про него расскажем.

Третий.

Он из поповичей, майор.
Учился в Вене, жил в Берлине.

Трое в черном (*выкаблучиваются*).

«Шпацирен, шпацирен
Мит унтерофицирен!...»

Майор.

Запишем, зайцы!
"Шпион австрийский и германский».

Первый. Эх, жаль, что не японский!

Третий. Точно: японские щас в моде.

Первый. За них медаль бы дали.

Второй. А может, орден!

Трое в черном.

«В эту ночь решили самураи
Перейти границу у реки!»

Майор.

Японию отставить!

Что там дальше?

Первый. Вооруженный террорист!

Курбас. Я? Террорист? Да вы... Да вы!..

В руках у Первого два пистолета, которыми он довольно ловко жонглирует.

Майор. Заговорил... великий немой!

(Первому).

Докладывайте дальше.

Первый.

Стрелял в тринадцатом году
Из пистолета системы Рота,
Калибр восемь миллиметров.

Майор.

Было?

Курбас.

В себя стрелял. Из-за любви...
Та пуля в сердце до сих пор,
Как память...

Майор.

В себя или в других —
Ты террорист.

Второй.

В театре «Березиль»

Командовал вооруженной группой.

Курбас.

Какая жуткая чудовищная ложь!

Второй.

Приговорен был к смерти Косиор
И Постышев — секретари ЦК.

Курбас.

Они живут и здравствуют поныне.

Майор.

Был штаб в театре?

Курбас.

Был. Но режиссерский!

Первый.

Маскировался, гад!

Майор.

Нас на мякине, Курбас,

Не проведешь.

Что будем делать с ним, ребята?

Что тройка скажет? А?

На Беломорканал?

Первый. Лет на пяток, примерно,

Второй. Без права переписки.

Майор.

А дальше? Человеку ж интересно,

Что с ним будет.

Второй. Есть заготовка.

Вынимает из кармана мятый листок бумаги.

Майор. Читай.

Второй. Так... значит...

«Курбас Александр Степанович

Скончался от кровоизлиянья в мозг.

Место, где умер — прочерк.

Число, месяц, год — прочерк.

И подпись — тоже пока что прочерк».

Третий.

Нет, у меня получше.

Разворачивает бумажонку.

«Тройка УНКВД постановила

Курбаса А. С. приговорить к расстрелу».

Коротко и просто.

Сюда, в затылочек.

Майор (Первому).

А ты что скажешь, умник?

Первый.

Шеф, он артист.

Его нельзя равнять с кулацкой сворой,

С обычными вредителями, нет!

Майор.

Так что ты предлагаешь?

Первый.

Я был в командировке на канале.
Мы вывезли расстрельных на барже
На середину озера
И начали их бить из пулемета.

Второй.

Эх, здорово! Тра-та-та-та!

Первый.

А через год ко мне приехал в гости
Матрос с баржи и говорит:
«Мы с водолазами спустились,
А они — стоят».

Третий. Кто?

Первый.

Кретин! Скелеты! Тех, расстрелянных.
На дне — обглоданные рыбками.
И волны тихие колеблют их.
Как водоросли...

Трое в черном. Туда-сюда... туда-сюда... (*Показывают*).

Курбас.

Скажите мне,
Откуда вы такие?
Вы люди или нелюди?
Нет, не хочу я жить,
Пока вы живы!
Ходить по той земле,
Которую вы топчете,
Дышать тем воздухом,
Который отравили вы
Миазмами и гнилью.
Нет, не хочу!

Майор. На «мельницу» его!

Первый ударом кулака сбивает Курбаса на пол. Остальные обступают его. Бьют ногами. Дикие, хохочущие, разнузданные. Все погружается в темноту.

14.

Там же, на другой день. Трое в черном режутся в карты. М а й о р что-то пишет за столом. Положил ручку, задумался.

Майор.

Нет, мужики, так не годится.
Какая ж это, ексель-поксель, драматургия?
Мы слишком увлеклись хохлом.
А где же тот, второй? Забыли?
Неужто не звонит, не ищет друга?

Первый.

Докладываю, шеф. Михоэлс
Все морги обзвонил.
Петровку на уши поставил.
У нас он только не был, на Лубянке.

Второй.

Придет пархатый, деться некуда, придет.

Третий.

Тихо! (*Принюхивается*).

Не нашим духом потянуло.

Второй.

Идет сюда. Я тоже чую!

Первый. Торопится...

Второй. Пересекает площадь.

Третий. Ай!

Второй. Что?

Третий. Чуть под трамвай не угодил.

Первый. Выписывает пропуск.

Второй. Лифт, шестой этаж...

Появляется М и х о э л с . Майор с широкой улыбкой, приветственно раскинув руки, спешит ему навстречу.

Майор.

О, кто у нас в гостях!

Какая честь оказана нам, братцы!

Сам Соломон Михайлович Михоэлс

Нас посетил! Садитесь, «нэм а плац...»

Михоэлс садится.

Я ваш язык жи... еврейский чуть-чуть знаю.
Соседка, Роза Марковна на кухне меня учила.
И называла — как вы думаете? —
«Шикерер элд» — «пьяный мудака» —
Любя, конечно. Чудная старушка!

Михоэлс.

Товарищ майор, я к вам пришел по делу.

Неделю целую мы ищем человека,

Работавшего в нашем театре.

Соседи по квартире мне сказали,

Что он пошел жену встречать на Курский.

И не вернулся...

Майор.

Поможем, если сможем. Только для вас.

Фамилия пропавшего?

Михоэлс. Курбас, Александр Степанович.

Майор (*роется в бумагах*).

Курбас... Курбас...

Ах, да... мы им немножко занимались.

Вы понимаете, в чем дело?

Он с хвостиком сюда приехал.
А хвостик этот дурно пахнет.
Вредительством, диверсией, террором.

Михоэлс.

Простите, это чушь!
Кто мог придумать эту ахинею?

Майор.

Маэстро, извините,
Я глубоко вас уважаю,
Но если б я пришел — представьте —
К вам в театр на репетицию
И начал бы кричать: «Чушь! Ерунда! Евреи,
Все надо в корне переделать!»
То что бы вы сказали? А?
Вы мастер, признаю,
Но ведь и мы не лыком шиты.

Михоэлс.

Мы начали работу с ним...
Большую, ответственную...
Где он? У вас?
Ну разрешите мне хоть повидаться с ним.

Майор.

Охотно бы пошел навстречу,
Но... Вчера его отправили на Украину,
С хохлом пусть разбираются хохлы.
Вот так... Давайте пропуск.
Смотрит на часы.
Двенадцать тридцать пять.
Хочет подписать.

Михоэлс.

Одну минутку...
Вынимает из кармана фото Агнии, передает его Майору.
У нас еще одна пропажа, майор.

Майор.

Неладно что-то
В Еврейском вашем королевстве.
Рассматривает фотографию.
Красавица какая!

Михоэлс.

Актриса наша.

Майор.

Очаровашка! А глаза! А губки!
Ну познакомьте, я уже горю!

Михоэлс.

С кем? Я же вам сказал:
Исчезла.

Майор. Ах, да. ..(*Первому*).

Узнай в отделе «ноль-семнадцать бэ».
Отдает ему фото.

Все данные на обороте.

Первый уходит.

Мы очень любим ваш театр.

Не пропуском ни одной премьеры

И часто вспоминаем вас в ролях.

Второй (с сильным акцентом).

О, пани Рохеле, дражайший ангел мой,

Я вижу вас во сне и умираю...

Придите, Рохеле, немножко прогуляться

По улице Бердичевской в субботу....

Третий подходит к Михоэлсу, делает вид, будто поправляет на нем пиджак. Отступив в сторону, любит своей «работой».

Третий.

Я обещал примерку вам сегодня?

Так значит будет именно сегодня.

Дай Боже мне такую жизнь,

Как этот пиджачок сидит на вас.

Михоэлс.

Какие здесь таланты пропадают!

Кто б мог подумать?

Вот если бы Лубянка

В мой театр Еврейский перешла!

Майор, Второй и Третий хохочут.

Майор.

Лет на пять хохмочка!

А, может, лучше так:

Пусть весь Еврейский театр

Сюда притащут, на Лубянку!

Майор, Второй и Третий ржут.

Какая хохма лучше, а?

Входит Первый.

Докладывай.

Первый.

Позавчера в рабочем клубе «Глобус»

Пожар случился.

Михоэлс.

«Глобус»?

Майор.

«Глобус», «Глобус».

Первый.

Клуб почти сгорел,

Жертв нет.

Вот только эта девушка...

Михоэлс.

Агния! Она погибла?

Первый.

Курила где-то там и, видимо, заснула.

Майор (*нараспев*).

Травушка-муравушка

Небо не коптит.

Травушка-муравушка

Душу веселит!..

Первый. Сгорела до неузнаваемости.

Возвращает фото Майору.

Второй.

Как Жанночка Д'Арк!

Михоэлс.

Пожар... Клуб «Глобус»...

Ничего не понимаю. Как очутилась там она?

Майор (*рассматривая фотографию*).

«Ее глаза на звезды не похожи» —

Сказал бы сэр Вильям Шекспир...

Сгорела на работе, ай-ай-ай!

Михоэлс.

Быть может, помогли ей?

Майор.

Какой вы любознательный, Михоэлс.

Как впрочем все вы....

Великие художники.

Идите, Соломон Михайлович,

Пока мы вас еще сюда не вызывали.

Рассматривает фотографию.

Очаровашка! О, какое б танго Я с нею станцевал!

Джаз-гол. Держа в вытянутой руке фотографию, Майор танцует.

Михоэлс.

Теперь я вижу, что таких артистов

Нет ни в одном театре, нет!

Свет гаснет.

15.

Лубянка. За столам в кресле Майора развалившись, сидит Первый. Возле маленького столика с пишущей машинкой — Второй. Третий шагает взад-вперед по кабинету.

Первый (*оторвавшись от бумаг*).

Ну вот... Конец второй тетради.

Он не оставил больше ничего,

Что ж будем делать, зайцы?

Второй (*печатает*).

«Ушел из жизни...»

Первый. Стой! «Ушел», «пришел» —

Третий. Херня собачья.

Первый. «Смерть вырвала из наших рядов...»

Вот так получше.

Третий ставит на стол бутылку водки.

Первый (*грозно*).

Я что, команду дал?

Третий поспешно убирает бутылку со стола.

Пиши! «Безжалостная смерть

Вырвала из наших рядов стальных...»

Стучит машинка.

Третий.

«Большевика, товарища, чекиста...»

Снова ставит бутылку. Первый грозит кулаком. Бутылка исчезает.

Второй.

Готово, напечатал. Дальше что?

Третий.

«Вчера на даче разорвалось сердце...»

Первый. Зачем — «на даче»?

«За своим столом рабочим...»

Второй.

Точно! «От разрыва сердца...»

Вопросительно смотрит на Первого. Тот кивает. Снова стучит машинка.

Третий. Сказуемое нужно.

Первый. Предложил — давай!

Третий. «Скоропостижно умер».

Второй. «Скончался», шеф. Так звонче.

Первый. Можно!

Второй печатает.

Третий.

А все же жаль майора.

Второй.

Был мудаком и помер как мудака:

Нарзан, таблетки... Режиссер великий...

Третий.

Да, пулька лучше.

Первый.

А ежели оружие отобрали?

Нарком с дерьмом его смешал,

Чекиста нашего.

Чуть в кабинете не пришил.

Но хоронить, сказал, со всеми причандалами —

Как пламенного ленинца.

Второй.

И все же, шеф, за что его скосили?

Третий снова ставит бутылку водки. Первый увидел, но отвернулся.

Первый.

Он догадался рядом с дачей генерала

Построить туалет.

Третий.

Подумать только —

Из-за говна погиб.

Первый.

Пиши: «Души кристальной человек».

Третий.

«Боец невидимого фронта».

Первый.

Теперь концовка. «Память сохранится...»

Второй.

Навечно, шеф?

Первый.

«Навечно в наших сердцах».

Второй.

И подпись, да?

«Группа товарищей». *(Печатает).*

Третий уже откупорил бутылку, разлил водочку. Трое со стаканами в руках торжественно встат.

Третий. И стопочку майору.

Наливает маленький стаканчик водки и кладет на него ломтик хлеба.

Первый. Не цокаемся.

Второй. Земля пухом.

Третий. Царствие небесное.

Пьют. Третий снова наливает.

Третий. Допьем?

Поднимают стаканы.

Первый. Как ты сказал? Добьем?

Третий. Так точно, шеф.

Он только целился,

А мы — добьем!

Хохочут. Пьют. Свет гаснет.

16.

Дощатая стена барака. Оконце с решеткой. На койке сидит Курбас. На нем фуфайка с лагерным номером и шапка-ушанка. В руках — обрывок газеты.

Курбас (*читает*).

«Премьера «Лира» потрясла Москву».

Так, так... Охлопков:

«С огромным мастерством

Раскрыл Михоэлс внутренний мир безумца-короля...»

О, Соломон! Какой триумф!

Фейхтвангер... Робсон...

Качалов.. Турчанинова... О Боже!

Одни обрывки, жаль... А вот и Гордон Крэг.

«Я шел в театр на спектакль

С определенным недоверием —

И не скрывал его.

Предупредил Михоэлса, чтоб мне

Оставили такое место в театре,

С которого я мог бы

Тихо подняться и уйти...

Но вот раскрылся занавес, и вышел Лир...

*Где-то слева, в глубине сцены, в мерцании неясных огней появился как видение М и х о э л с
-Лир.*

Идет, ни на кого не глядя, к трону,

А там уже сидит с ухмылкой Шут.

Король подходит, ласково берет

Шута за ухо...»

Вскакивает с койки.

Все так, как мы придумали!

Продолжает читать.

«Не зная языка, я понял,

Что сказать хотели пальцы,

Его трагические, мудрые глаза.

Нет, Крэг, с таких спектаклей не уходят, —

Сказал я самому себе. —

Раз в жизни выпадает счастье

Их видеть и запомнить на всю жизнь».

Вытянув перед собой руки, ослепший Лир медленно подходит к бараку.

Михоэлс-Лир.

«Я сумасшедший, взбалмошный старик,

Мне восемьдесят лет, ни часу меньше.

Сказать по правде,

Боюсь, не выжил ли я из ума.

Но будто знаю вас...»

Подходит к Курбасу, легко касается пальцами его лица.

Ты Шут?

Курбас.

А кто ж еще? Конечно, шут.

Михоэлс-Лир.

А почему колпак без бубенцов?

Курбас.

Пошьют... Не бойся, дяденька:

Пошили дело, и колпак пошьют.

Михоэлс-Лир.

Вот славно, расскажи хоть где мы.

Курбас.

Далече, дяденька-король, на островах.

Михоэлс-Лир.

А на каких, скажи, любезный.

Курбас.

На Соловецких... В холодном Белом море...

Михоэлс-Лир.

То-то мороз лютует... Аж кости стынут...

Курбас.

Возьми-ка кипяточку для согрева.

Усаживает Михоэлса на койку. Наливает из закопченного старого чайника кипяток в алюминиевые кружки. Разламывает пополам пайку хлеба.

Михоэлс.

Спасибо, братец... Ох, пошло по жилам!

Ест и запивает кипятком.

А то еще мне сон какой-то снился, вчера.

Как будто я не Лир и вовсе не король.

Хихикает — самому смешно.

А шут, как ты. Комедиант.

Артист, короче. И прыгаю, и рожи корчу

В театре. И людям нравится.

Им весело и мне.

А кое-кто меня терпеть не может,

Заманивает в дальний край.

Зима, метель метет, и я с дороги сбился.

Кричу, зову!.. И вдруг — трах по башке!

И я лежу, один, глазами в небо.

А кровь по капле вытекает из виска,

И вот уж в мантии багровой

Шепчу окаменевшими губами

Слова, которые от Лира слышал...

Курбас.

«Я ранен так, что виден мозг».

Михоэлс.

Да, шут, ты прав...

Я ранен так, что виден мозг».

Курбас.

А что потом?

Михоэлс.

Нашли меня... Везут домой...

Гроб на плечах людей плывет к театру...

А ТЕАТРА — НЕТ!

Курбас.

Как — нет?

Михоэлс.

Так, выжженное поле,

Как будто молния спалила все вокруг.

Молчание.

Курбас.

Я слышал, дяденька,

Поверье есть у древних.

Коль молния ударит

И все вокруг сожжет,

То место это

Становится священным.

И через много-много лет

Там будет храм.

Михоэлс. Храм?

Курбас. Да.

Михоэлс.

А ты не врешь, приятель?

Курбас.

Святая правда.

Михоэлс.

Слушай... Мне голос твой знаком.

Нет, братец, ты не шут.

Голос из темноты.

Курбас Александр Степанович, на выход!

Михоэлс.

Так ты... Ты — Курбас? Лесь?

Ощупывает, потом обнимает его.

Вот, значит, где увидеться пришлось...

Тихо плачут. Еле слышная музыка. Курбас отрывает от газеты два квадратика) достает кисет. Оба скручивают самокрутки, затягиваются сладостным дымком. Медленно угасает свет.

Ты правду говоришь?

И будет храм?

Курбас. Да.

Михоэлс. И там, где «Глобус» был когда-то, тоже?

Курбас. Конечно!

Михоэлс. И «Березиль»?

Курбас. И «Березиль»...

Михоэлс. Какой же, слушай, славный сон я видел!

О н и, блаженные, смеются.. Темнота уже полностью окутала сцену. Лишь две сигарки, два неугасающих огонька, еще долго будут гореть во мраке ночи.

А тупое, грохочущее эхо не смолкает: «На выход... На выход... На выход!» Вот и все. Это, наверное, конец.

Но может так случиться, что где-то далеко вдруг глухо ударит колокол: раз, другой, третий. Все громче и ближе тяжелые раскаты невучей меди. И в причудливом фееричном свете, как в сполохах зарниц, восстанет из всего того, что было на сцене, фантастический, рвущийся к небу ХРАМ.

Конец

